

мического прогресса и мешали развитию классового самосознания трудящихся башкир.

Таким образом, при помощи глубокого изучения содержания и формы родоплеменной системы башкир в XVII—XVIII вв. автор книги стремится раскрыть экономическую и социальную структуру башкирского общества. В работе, наряду с обобщением уже известных в литературе историко-этнографических материалов о родоплеменных отношениях в Башкирии, привлечено много новых фактических данных, причем автор постарался дать их в историческом развитии, всесторонне анализируя процесс разложения родоплеменных и сложения патриархально-феодальных отношений в Башкирии в XVII—XVIII вв. Труд Р. Г. Кузеева является, безусловно, ценным для понимания социально-экономических отношений в Башкирии прошлых веков.

Наряду с этим следует отметить некоторые недостатки в работе и допущенные в ней неточности. Прежде всего, не все вопросы родоплеменной организации башкир освещены достаточно полно.

Нам кажется неубедительным утверждение автора, что процесс разложения патриархально-родового строя у башкир начался лишь в XII—XIII вв. (см. стр. 11). Археологические и этнографические данные говорят о том, что процесс разложения родоплеменных отношений в Башкирии начался гораздо раньше, но в силу ряда исторических обстоятельств шел очень медленно.

Во второй главе для характеристики начальных стадий феодальных отношений в Башкирии автор приводит факты многочисленных межплеменных столкновений. Так, например, он пишет: «традиция взаимных набегов, вражды, насильственного угона скота у башкир существовала на протяжении столетий» (стр. 59). Действительно, у всех народов на определенной стадии общественного развития имели место межплеменные столкновения, но то, что о них пишет Р. Г. Кузеев, нам кажется преувеличением. Получается представление, что башкиры больше ничем не занимались, кроме грабежа и междоусобных войн.

Автор приводит интересные данные об объединении родов, о появлении союза различных по происхождению родов (см. стр. 62—63), но нельзя не возражать против объяснения этого лишь военными причинами или насилием. Едва ли можно оспаривать, что основной причиной центростремительной, или объединительной, тенденции родов явилось развитие производительных сил, развитие экономических и иных связей между родами. Кстати, следует отметить, что причиной перегруппировки родоплеменных групп явились не только межплеменные столкновения, как утверждает автор, но и те многочисленные башкирские восстания XVII—XVIII вв., которые приводили к дроблению одних родоплеменных групп и к объединению других.

Далее, пережитки родоплеменных отношений в XVII—XVIII вв. среди башкир автор объясняет главным образом тем, что феодалы сознательно консервировали родоплеменные институты. Это противоречит утверждению, приведенному выше, о торможении «распада родоплеменной системы» натуральным характером хозяйства кочевников-скотоводов. Следовательно, главной причиной консервации родоплеменных пережитков в Башкирии было не стремление к этому башкирских феодалов, а экономическое состояние общества. Другое дело, что башкирские феодалы использовали родоплеменные пережитки для эксплуатации трудящихся и всеми возможными средствами старались их сохранить.

Говоря о патриархально-феодальных отношениях в Башкирии, автору нужно было бы показать, в чем же конкретно выражались эти отношения, показать незрелость феодализма в Башкирии. Без этого невозможно уяснить расстановку классовых сил, их перегруппировку и дифференциацию.

Наконец, нам кажется неубедительным утверждение автора, будто некоторые «башкирские восстания XVII—XVIII вв., инспирированные башкирской феодальной верхушкой, были реакционными» (стр. 9). Во всех восстаниях XVII и первой половины XVIII в. слились по разным причинам и мотивам устремления различных классов. Поэтому нужно было разобрать обстоятельно и объективно сложную классовую сущность отдельных восстаний и конкретно-историческую обстановку, в которой они протекали, а не говорить о реакционности ряда башкирских восстаний в целом. Вообще вопрос о башкирских восстаниях XVII в. и первой половины XVIII в. требует еще тщательного и всестороннего изучения.

Несмотря на некоторые недочеты, книга Р. Г. Кузеева, по нашему убеждению, будет служить ценным источником для понимания социально-экономических отношений в Башкирии в XVII—XVIII веках.

Книга хорошо иллюстрирована историческими и этнографическими картами. Приложен библиографический список (около полтораста названий).

Р. Б. Ахмеров

Д. Вардумян. *Новый быт лорийцев* (на армянском языке). Изд. АН Армянской ССР, Ереван, 1956, 160 стр.

Работа Д. Вардумяна «Новый быт лорийцев» — первое в Армении исследование, посвященное быту колхозного крестьянства.

Ст. Шаумян, касаясь актуальных вопросов истории армянского народа, писал, что представить настоящую историю народа — значит показать, «как жил этот народ, как он создавал эти богатства, каковы были средства и формы его производства, промыш-

ленности, каковы его ремесла и искусство, его торговля, внутренние и внешние экономические отношения»¹.

Работа Д. Вардумяна, небольшого объема, является ценным вкладом в армянскую советскую этнографию по глубине поставленных вопросов. Автор поставил себе целью исследовать основные, характерные черты колхозного быта в районе Лори, уделяя особое внимание внедрению в повседневную жизнь крестьян новой, социалистической культуры. Жизнь колхозного крестьянства Лори, освещенную с этнографической точки зрения, автор описал в четырех главах (краткий историко-этнографический очерк, производственный быт, семейные отношения, сельские поселения и жилища).

В первой главе обстоятельно говорится об изменениях в социально-экономическом положении крестьянства Лори, происшедших в начальный период советской власти, до коллективизации (1920—1929 гг.), о мероприятиях по переводу мелких единоличных хозяйств на рельсы крупного обобщественного хозяйства, об образовании и деятельности потребительских и производственных кооперативов — сельскохозяйственных товариществ, комитетов взаимопомощи, и т. д.

Во второй главе, после обстоятельного изложения хода землеустройства, создания условий для ведения сельского хозяйства на высоком научно-техническом уровне, введения новой системы севооборота автор переходит к исследованию организации и разделения труда. Он касается также существовавших в быту лорийцев в доколхозный период различных форм хозяйственного сотрудничества, взаимопомощи (амкалство и т. п.). Исходя из того, что бытовые взаимоотношения колхозного крестьянства обусловлены новыми производственными отношениями, автор сначала рассматривает колхозную производственную бригаду как основную форму организации труда и исследует три этапа организации производственных бригад:

- 1) в начале 1930-х гг. звенья составлялись преимущественно из близких родственников-соседей;
- 2) с 1935—1936 гг., благодаря развитию и укреплению колхозного строя, происходит переукладывание бригад на территориальных началах;
- 3) с 1940-х гг. бригады стали организовывать, исходя из требований наиболее рационального использования колхозных кадров, независимо от родственных или соседских взаимоотношений колхозников.

В рецензируемой работе на конкретных примерах показано, что с возникновением социалистических производственных отношений в деревне Лори прежнее поквартальное расселение по родственному признаку, когда отдельные кварталы представляли собой изолированные, противостоящие друг другу ячейки, потеряло свое значение и вся деревня, объединенная в сельскохозяйственную артель, стала компактной хозяйственной единицей.

В главе «Семейные отношения» автор, исследуя состав семьи, взаимоотношения ее членов, роль женщины и другие элементы быта, показывает на конкретных фактах, что вместо старой, патриархальной семьи в Лори сложилась новая, колхозная семья, где уже нет места былому патриархальному деспотизму, а положительные традиции армянской семьи получили возможность дальнейшего развития. Этнографические материалы позволили автору на конкретных примерах показать раскрепощение женщины, повышение ее общественной роли, благодаря участию в колхозном производстве. Автор указывает, что с превращением средств производства в общественную собственность семья перестает быть хозяйственной единицей. Она становится в основном ячейкой, осуществляющей общественные функции, вместе с соответствующими государственными учреждениями (детский сад, детские ясли, школа) и общественными организациями (пионерскими, комсомольскими, спортивными), занимаясь воспитанием подрастающего поколения.

В главе «Сельские поселения и жилища» автор говорит о существовании в армянских селах Лори до 1890-х гг. родственных смежных кварталов, обитатели которых, особенно в горных местностях, общались между собой посредством крыш-улиц или акнатов (отверстие в смежной стене). С конца XIX в., с вовлечением деревни в сферу капиталистических отношений, началось проникновение городской культуры в деревню, в результате чего такого рода поселения подверглись медленному, но коренному преобразованию. Вследствие этого родственные смежные кварталы постепенно преобразовывались в соседские кварталы. Говоря о формировании в поселениях родственных кварталов и об изменениях в них вплоть до нашего времени, автор пишет: «Вследствие новых экономических условий и новых общественных взаимоотношений, возникших в деревне благодаря колхозному строю, селения, ютившиеся, по хозяйственным и оборонительным соображениям, на сравнительно недостаточных предгорьях и косогорах, постепенно целиком перемещаются с этих мест на равнины, расширяясь и одновременно концентрируясь, особенно вдоль шоссеиных дорог» (стр. 108).

В работе подробно говорится также о планировке, внешнем оформлении и внутренней обстановке сельских жилищ, о хозяйственных строениях и об изменениях, внесенных в жилищное строительство колхозным строем.

Говоря о коренной перестройке жизни лорийского крестьянства, автор подчеркивает, что это создало условия для рождения нового мировоззрения крестьянина.

Заглавные работы требовало от автора не довольствоваться исследованием быта только сельского населения Лори, но и коснуться городов Лори — Кировакана, Степа-

¹ Ст. Шаумян, Статьи и речи, Ереван, 1953, стр. 166.

навана, Алаверды. Мы думаем, что работа во многом выиграла бы, если бы автор подробнее остановился также на способах приготовления пищи и одежды, так как эти элементы материальной культуры содержат много национальной специфики. Следовательно бы также коснуться взаимоотношений и культурных взаимовлияний с другими народами.

Отмеченные недостатки, в основном, являются результатом чрезмерно сжатого изложения этой — в целом весьма полезной — работы Д. Вардумяна.

В. Темурджян

Нарты. Эпос осетинского народа. Издание подготовили В. И. Абаев, Н. Г. Джусоев, Р. А. Ивнев и Б. А. Калоев. М., 1957, 401 стр.

Героический нартский эпос, богато представленный в фольклоре северокавказских, а отчасти и закавказских народов, занимает видное место среди эпических памятников мира. Являясь общим достоянием всех этих народов, он отражает их этнические связи, многовековое общение, культурную близость и взаимовлияние. В то же время, древний нартский эпос, будучи глубоко национальным у каждого отдельного народа, является важным источником для изучения его исторического прошлого, культурных традиций, фольклора. Отсюда тот неослабевающий интерес к сбору и публикации сказаний о нартах, который, возникнув уже более столетия назад, особенно возрос в наше время в связи с общим подъемом науки и культуры в советских республиках Кавказа. Этот интерес нашел яркое выражение в публикации ряда собраний осетинского и кабардинского нартского эпоса; последнее из них подготовлено Юго-Осетинским научно-исследовательским институтом Академии наук Грузинской ССР и издано в 1957 г. Академией наук СССР в серии «Литературные памятники».

В основу рецензируемого издания положено собрание юго-осетинских нартских сказаний, опубликованное в 1942 г. в Сталинире на осетинском языке. Настоящий перевод дан в свободном литературном изложении, без «филологической буквальности» (стр. 5); для большей легкости восприятия введена рифма, не характерная для осетинского оригинала.

Цель эта несомненно достигнута: юго-осетинский вариант эпоса в русской стихотворной обработке Р. А. Ивнева читается легче, чем аналогичные переводы североосетинских сказаний в прозе (Ю. Лебединский) или же в белых стихах (В. Дынник). Хорошее впечатление оставляют также иллюстрации, выполненные художником И. А. Седельниковым. Нет сомнения, что русский читатель с большим интересом встретит этот новый перевод замечательного осетинского эпоса.

Книга снабжена послесловием и комментарием. В послесловии (авторы В. И. Абаев и Б. А. Калоев) коротко излагается история собрания и публикации нартских сказаний и дается всесторонняя характеристика самого эпоса, его содержания, исторических и художественных особенностей. Авторы рассказывают об осетинских сказителях, из поколения в поколение изустно передававших народный эпос, об исключительной популярности в народе нартских сказаний, герои которых и сегодня дороги и близки всем осетинам. Это обстоятельство авторы правильно объясняют тем, что образы нартских героев, наделенные, несмотря на мифологическую условность, глубоко жизненными, реальными чертами, покоряют слушателя или читателя своим благородством, бесстрашием, любовью к родине. В ряде сказаний раскрываются нравственные идеалы народа — сочувствие к угнетенным и ненависть к угнетателям, уважение к женщине и беспредельная отвaga. «Не потому ли, — замечают авторы послесловия, — так трудно убедить простого горца в том, что нарты не существовали в действительности? Он готов согласиться, что многие подвиги и приключения нартских героев вымышлены; но что эти герои, такие живые, выдуманы «из головы» — этого он никак не может допустить» (стр. 383).

Разбирая основные образы и сюжеты эпоса, В. И. Абаев и Б. А. Калоев отмечают, что здесь нашли отражение хозяйственная и общественная жизнь, быт и мировоззрение прошлого. Анализ сказаний позволяет говорить о последовательном напластовании в них мотивов, характерных для эпохи матриархата, последующих этапов родового строя и привнесенных в эпос позднее феодальных мотивов. Аналогичную историческую эволюцию авторы прослеживают в хозяйственных занятиях героев эпоса нартов (от охоты к скотоводству и земледелию), в их жилище (от первобытных пещер и шалашей к многоэтажным башням, крепостям и дворцам), в их религии (от тотемизма и анимизма к христианству).

В заключение авторы послесловия останавливаются на художественных достоинствах и недостатках нартских сказаний, отмечая их сюжетное богатство при строгости и относительной бедности художественной формы, и характеризуют своеобразную манеру исполнения сказаний.

Послесловие и следующий за ним комментарий (составил Б. А. Калоев) помогают читателю разобраться в содержании и историческом значении нартского эпоса. Правда, комментарий, содержащий объяснение лишь имеющихся в тексте осетинских слов и наименований, в большей своей части является простым глоссарием. Комментарий в обычном смысле этого слова должен был включать также и историко-этнографическое истолкование наиболее интересных сюжетов осетинского нартского эпоса, хотя бы на основе ценных исторических (скифо-сарматских и аланских) параллелей, проведенных в свое время Вс. Миллером и Ж. Дюмезилем.